

Что такое "облучок"?

Игорь Добродомов,
доктор
филологических
наук

Игорь Пильщиков,
кандидат
филологических
наук

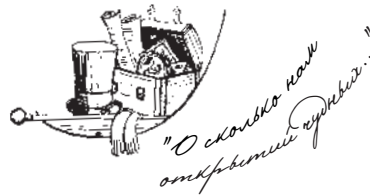
Слово *облучок* памятно нам по II строфе пятой главы «Евгения Онегина»:

*Бражки шумят в воздухе,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красной кушачке.*

«Словарь языка Пушкина» даёт этому слову чёткое, но неправильное определение: «Сиденье для кучера в повозке», — которое, по-видимому, восходит к отсылочному определению «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова (1935–1940): «**ОБЛУЧОК** <...> То же, что *козлы* в 1-м значении». Слово *козлы* словарь Ушакова растолковывает в первом значении как «Передок экипажа, на котором сидит кучер», а иллюстративный пример к слову *облучок* взят из «Евгения Онегина»: *Ямщик сидит на облучке*. Авторитет ушаковского словаря роковым образом сказался на позднейшей отечественной лексикографии, в которой закрепилось отождествление слов *облучок*, *козлы* и *передок*. Ср. определения *облучка* в 8-м томе 17-томного академического «Словаря современного русского литературного языка» (1959): «Передок повозки, на котором сидит кучер, возница» — и в малом академическом «Словаре русского языка в 4 томах» (1858): «Передок у телеги, саней, повозки; козлы». В.Я. Дзягин в заметке «Облучок» и «козлы», опубликованной в «Лексикографическом сборнике» (1962, вып. 5), решительно выступил против ошибочного отождествления этих слов и показал, что сиденье для кучера у повозок всех родов называлось *козлами*, а *облучок* специальным сиденьем для возницы никогда не был. Чтобы убедиться в справедливости этого тезиса, обратимся к лексикографическим и литературным источникам пушкинского и послепушкинского времени.

Оба издания «Словаря Академии Российской» (первое, вышедшее в конце XVIII в., и второе — современный Пушкину «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный») следующим образом истолковывают слово *облучок* (исходная форма *облук*): «У саней называется выгнутая несколько деревина, бывающая во всю длину оных, связывающая с верху копылы, кои в неё утверждаются»; словарная статья иллюстрируется речением *сидеть на облук*. Такое же определение повторено дословно в «Общем церковно-славянско-русском словаре» П.И. Соколова (1834) и почти дословно в «Опыте терминологического словаря» В.П. Бурнашева (1844): «У саней называется выгнутая несколько деревина, бывающая во всю длину их, связывающая с верху копылы, кои в неё утверждаются». Более краткое определение (с тем же иллюстративным речением *сидеть на облук*) даёт академический «Словарь церковно-славянского и русского языка» 1847 года: «Деревинна у саней, связывающая копыла, в неё вставляемые».

Позднейшие словари приближаются к живому употреблению своего времени и относят термин *облук* с его умалительной формой *облучок* не только к саням, но также к телегам и другим колёсным средствам транспорта. Младший

сверстник и близкий знакомый Пушкина В.И. Даль (1801–1872) в своём «Толковом словаре живого великорусского языка» определяет термин *облук*, *облучок* как «грядки на телегах, повозках и саях, боковой край ящика, кузова» и поясняет речение: «Сидеть на облукѣ, облучкѣ, боком, свесив ноги». Для Пушкина облучок также не был принадлежностью одних только саней — так, в стихотворении «Телега жизни» (1823) мы читаем:

*Хоть твёрдело подчас в ней бремля,
Телеса на ходу легка;
Ямщик лихой, себе бремля,
Ведет, не слезет с облучка.*

Ямщик не покидает своего места, поскольку на пути не предвидится никаких препятствий. Но есть особого рода шик в том, чтобы править лошадьми, не слезая с облучка в самых трудных обстоятельствах. Ср. описание горной переправы в повести Лермонтова «Бэла»: «Один из наших извозчиков был русский ярославский мужик, другой осетин: осетин вёл коренную под уздцы со всеми возможными предосторожностями, отпрягнув заранее уносных, — а наш беспечный русак даже не слез с облучка! Когда я ему заметил, что он мог бы побеспокоиться в пользу хотя моего чемодана, за которым я вовсе не желал лазить в эту бездну, он отвечал мне: «И, барин! Бог даст, не хуже их доедем: ведь нам не впервые» <...>».

Словами *козлы* и *облучок* обозначали разные предметы — вот почему знаток простонародной Москвы очеркист И.Т. Кокорев (1825–1853) соединяет эти слова сочинительным союзом *и*: «Кажется, все экипажи, какие только есть в Москве, все выехали бороздить улицу; все лошади, которые ещё в силах таскать ноги, призваны к исполнению своей службы; все кучера с бородами и без бород засели на козлы и на облучки; все извозчики бросились выезжать заработки» («Моё почтение»). Специфика езды на облучке, отмеченная Далем («боком, свесив ноги»), подтверждается и другими примерами. Ср. в «Детстве Никиты» А.Н. Толстого: «...неожиданно у самого дома зачмокали копыта и появились — Негр с мыльной мордой, Пахом — бочком на облучке санок...» Облучок не был *сиденьем*, и поэтому Гоголь так описывает эту часть традиционного русского экипажа: «Кажись, неведомая сила подхватила тебя на крыло к себе, и сам летишь, и всё летит: летят вёр-

сты, летят навстречу кушцы на облучках своих кибиток <...> Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал? <...> И не хитрый, кажись, дорожный снаряд, не железным охвачен винтом, а наскоро живьём с одним топором и долотом снарядил и собрал тебя ярославский расторопный мужик. Не в немецких ботфортах ямщик: борода да рукавицы, и сидит чёт знает на чём; а привстал, да замахнулся, да затянул песню — кони вихрем, спицы в колёсах смешались в один гладкий круг, только дрогнула дорога, да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход — и вон она понеслась, понеслась, понеслась!» («Мёртвые души», т. I, гл. XI; курсив наш. — И.Д., И.П.).

Удивительная простота русских телег и саней не препятствует быстроте движения — эта деталь проходит через все черновые и беловые рукописи II строфы пятой главы «Евгения Онегина» (первоначально в черновиках знаки препинания отсутствовали):

*[Бражки] шумистые взрывают
Летит кибитка почтовая
В тулупе, в красном кушаке
Слуга сидит на облучке.
Ямщик веселый стоя правит
И колокольчик удалой
Трелит под нового дугой.*

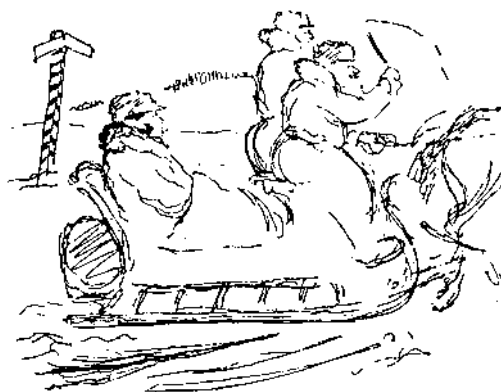
Ср. варианты белового автографа: *Летит кибитка почтовая* <...> *Слуга стоит на облучке; Ямщик поёт на облучке; Ямщик проворный стоя правит.* О стремительной езде по гладкой зимней дороге поэт пишет и в 7-й главе «Онегина»:

*За то дилки порой голодной
Езда приятна и легка.
Как стия без мысли в теске модной
Дорога дилкильда гладка.
Автомедовы наши бочки,
Неумолимы наши тройки,
И версты, теща праздничьего взора,
В гладай мелькают как забор.*

Сходные бытовые сцены мы находим в других произведениях Пушкина: «Дуня села в кибитку подле гусара, слуга вскочил на облучок, ямщик свистнул и лошади поскакали» («Станционный смотритель»).

Всякие сомнения в том, что именно Пушкин понимал под словом *облучок*, рассеивает текст «Капитанской дочки», где во второй главе на облучке едут сразу три человека: во-первых, это Савельич, который «угрюмо сидел на облучке, отворотясь от меня, и молчал, изредка только побрякивая»; во-вторых, это ямщик, который сидел спереди и тоже на облучке («Что же ты не едешь? — спросил я ямщика с нетерпением. — Да что ехать? — отвечал он, слезая с облучка; невесть и так куда заехали: дороги нет, и мгла кругом»); в-третьих, это Пугачёв, который «сел проворно на облучок и сказал ямщику: «Ну, слава Богу, жило недалеко; сворачивай в право да поезжай». В XI главе ситуация несколько меняется: Пугачёв и Гринёв сидят в кибитке, «широкоплечий татарин» «стоя правит тройкою», а Савельич садится на облучок. «Татарин затянул унылую песню; Савельич, дремля, качался на облучке. Кибитка летела по гладкому зимнему пути...» (эта картина ничем отличается от тех, что изображены в разных редакциях «Онегина»: *Ямщик весёлый стоя правит или поёт на облучке; Слуга сидит на облучке; Дорога зимняя гладка*). Любопытно, что *облучок* фигурирует и в документальных материалах по истории Пугачёва: Пушкин записал воспоминания И.И. Дмитриева о том, как слуга рассказал ему «о важном преступнике, казаке, отосланном в Казань, в оковах с двумя солдатами, которые сели на облучки кибитки с обнажёнными тесаками».

К концу XIX — началу XX в. с появлением новых средств транспорта точные значения терминов, обозначающих элементы примитивных крестьянских повозок, начали забываться. Тенденция к сближению *облучка* с *передком* (передней частью экипажа) проявляется уже в «Справочном словаре... русского литературного языка» под редакцией А.Н. Чу-

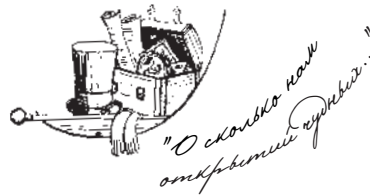

динова (1901), где всё же противопоставляются *козлы* («Сиденье для кучера в экипаже»), *облуч*, *облучок* («Передняя часть, грядки на телегах, санях и др. экипажах») и *передок* («Передняя часть вместе с осью у экипажей, повозок и полевых орудий»). «Малый толковый словарь русского языка» П.Е. Стояна (2-е изд., 1915) был, по-видимому, последним русским толковым словарём, где ещё различались (хотя и не очень чётко) слова *козлы* («сиденье кучера на передке экипажа»), *облучок* («передний край телеги, саней») и *передок* («передняя часть повозки»). Окончательное смешение этих терминов в русской лексикографии произошло, как мы уже говорили, в 1930-е годы. Так, во втором издании «Учебного словаря синонимов русского литературного языка», который составили В.Д. Павлов-Шинкин и П.А. Стефановский (2-е изд., 1931), мы находим определение: «*Облучок* — сиденье, козлы, место (для кучера)». К этому времени слово *облучок* окончательно уходит из общеупотребительного языка. Вспомним разговор Персицкого и Ляписа-Трубецкого в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (1928):

Из средневековых записей Пушкина ...

Однажды маленький арап, сопровождавший Петра I в его прогулке, остановился за некоторою нуждой и вдруг закричал в испуге: «Государь! Государь! из меня кишка лезет». Пётр подошёл к нему и, увидя, в чём дело, сказал: «Врёшь: это не кишка, а глиста» — и выдернул глисту своими пальцами. Анекдот довольно нечист, но рисует обычаи Петра.

«— Почему в стихотворении «Скачка на приз Будённого» жокей у вас затягивает на лошади супонь и после этого садится на облучок? Вы видели когда-нибудь супонь?»

- Видел.
- Ну, скажите, какая она!
- Оставьте меня в покое. Вы псих!
- А облучок видели? На скачках были?
- Не обязательно всюду быть! — кричал Ляпис. — Пушкин писал турецкие стихи и никогда не был в Турции.
- О да, Эрзерум ведь находится в Тульской губернии.

Ляпис не понял сарказма. Он горячо продолжал:

- Пушкин писал по материалам. Он прочёл историю Пугачёвского бунта, а потом написал. А мне про скачки всё рассказал Энтих».

Замечания В.Я. Дерягина об отличии облучка от козел были сочувственно встречены пушкинистами (см. обзорную работу О.В. Творогова во «Временнике Пушкинской комиссии» за 1963 г. и монографию М.Ф. Мурьянова «Из символов и аллегорий Пушкина», вышедшую в 1996 г.), однако комментаторы «Евгения Онегина» (В.В. Набоков, Ю.М. Лотман, Н.М. Шанский и др.) этих указаний во внимание не приняли. Лексикографы тоже далеко не сразу воспользовались наблюдениями Дерягина. Во втором, «исправленном и дополненном», издании малого академического словаря (1982) ошибочное толкование слова *облучок* сохранилось в прежнем виде. Н.Ю. Шведова, редактировавшая «Словарь русского языка» С.И. Ожегова начиная с 9-го (посмертного) издания 1972 г., воспользовалась соображениями

В.Я. Дерягина лишь при подготовке 21-го издания ожеговского словаря (1989). Позже исправленное определение перешло в «Толковый словарь русского языка», подписанный именами С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (1992): «**ОБЛУЧОК** <...> Толстая деревянная скрепа, идущая по краям телеги, повозки или огибающая верхнюю часть саней».

Неверное объяснение этого слова мы находим в новейшем однотомном «Большом толковом словаре русского языка» (СПб., 1998). В «Российском историко-бытовом словаре» Л.В. Беловинского (М., 1999) читаем: «**ОБЛУЧОК**, спец. сделанное спереди (*козлы*) место на конской повозке, где сидит кучер, либо просто край повозки». Учебные словари повторяют ошибки академических — см., например, составленный по произведениям школьной программы «Словарь устаревших слов» (М., 1997), где воспроизведено определение «Словаря языка Пушкина» с примером из «Евгения Онегина». В иллюстрированных школьных словарях (таких, как «Школьный словарь устаревших слов русского языка» Р.П. Рогожниковой и Т.С. Карской) при статьях «Кóзлы» и «Облучок» даются почти одинаковые рисунки кóзел. Под влиянием сложившейся лексикографической традиции Ю.А. Федосюк, автор интересной и полезной «Энциклопедии русского быта XIX века», вышедшей в 1998–2001 гг. четырьмя изданиями, невольно дезориентировал читателей: «Кóзлы иногда называли *облучком*». Однако мы должны констатировать, что существующие словари и справочники не приводят никаких дополнительных материалов, которые подтверждали бы наличие у слова *облучок* значений «передок» и «кóзлы».

